

Клерикальные тенденции и экономическая поляризация как грани социальной реальности РФ

Волошин Дмитрий Алексеевич,
Армавирский государственный педагогический университет
(г. Армавир, Россия)

Рассмотрены религиозные аспекты общественно-политической жизни РФ, протекающие на фоне интенсификации процессов экономического расслоения и роста неравенства. Обозначена серьезность подытогов противостоять тенденции секуляризации общественного сознания, связанная с общим стремлением вернуть религии и церкви позиции доминирования в духовной сфере.

В вышедшем недавно, в 2012 г., «Global Wealth Report» («Доклад о мировом благосостоянии») Россия заняла непочетное первое место в мире среди крупных стран по неравенству распределения богатства. По меткому выражению В.В. Локосова, мы вернулись к дореволюционной России, когда 1% населения владели около 30% национального богатства. В случае сохранения существующих распределительных механизмов и ключевых показателей (заработная плата, пенсионное обеспечение, инфляционные процессы), то к 2025 году: а) рассчитанный Росстатом разрыв между крайними 10-процентными группами населения будет 22–25-кратным; б) рассчитанный Институтом социально-экономических проблем народонаселения РАН, разрыв между этими группами населения будет 33–35-кратным.

Таким образом, социальная поляризация, прогрессирующая бедность широких слоев и бесконтрольный рост благосостояния российских элит сегодня предстают не только как социальная патология, – но как самая существенная угроза

ее политической стабильности: «Поляризация современного российского общества беспрецедентна, ибо она доводит это самое общество «до состояния раскола («две России»)» [1, с. 271]. Отставание РФ от экономически развитых стран по уровню МРОТ, пенсий, обеспеченности жильем составляет от 2 до 10 раз, в то время как превышение показателей неравенства, бедности, доступности жилья над средне-европейскими варьируется от 2 до 9 раз [2, с. 19]. Социальной устойчивости угрожает сложившаяся системная или поколенческая бедность, ставшая «нормой жизни» для слишком большого процента населения РФ. Такое балансирование на грани «бедности» и «сверхбедности» вызвано уже не какими-то трудностями переходного периода в экономике, а является результатом эффекта «замуровывания социальных ячеек» и социальной деградации.

В ситуации политико-экономического стазиса, этого «качественного застоя» [3, с. 140] и общесоциального спада определенного рода динамику демонстрирует разве что «религиозный фактор». В итоге формальная религиозность сегодня «представлена как некий ментальный хабитус (матрица восприятий), присвоенный гражданину РФ «по умолчанию» [4, с. 22]; религиозные же организации явно не ограничиваются лишь удовлетворением религиозных потребностей верующих, заходя в своих стремлениях гораздо дальше. В этой связи как-то сама собой актуализируется резонансная статья калифорнийского историка Г. Дрейка «Из агнцев во львы» [5, р. 3–36] по проблеме толерантности в античном христианстве...

Так или иначе, но религиозные организации в светском государстве (коим согласно ст. 14. Конституции является РФ [6]) весьма успешно конвертируют благоприятный исторический момент в вещи совсем не умоглядные, а конкретные. Напомним, в светском государстве (согласно последним Комментариям к КРФ) «...религия, ее каноны и догматы, а также религиозные объединения, действующие в нем, не вправе оказывать влияние на государственный строй, на деятельность государственных органов и их должностных лиц, на систему государственного образования...» [6]. Однако целая череда имевших место судебных прецедентов, отсутствие четкой правовой оценки действий многочисленных рьяных «активистов от религии», равно как и регулярно будоражащие общественное мнение инициативы религиозных деятелей – свидетельствуют несколько об ином.

В то же время, весьма широко распространена точка зрения, согласно которой слухи о всемогуществе Церкви в РФ «сильно преувеличены». Скептически настроенные умы твердят о том, что религиозные организации и Власть сближаются исключительно по инициативе, исходящей от последней; что «религиозный фактор», как и всегда, используется в качестве средства от социальной турбулентности, либо для получения пресловутого пропагандистского эффекта. Связь всего вышеперечисленного с социальной поляризацией (на основе имущественного ценза) усматривается в статистических материалах, согласно которым численность людей, готовых оказать реальную помощь тем или иным религиозным организациям, велика. Эта цифра никак не совпадает с «победными реляциями» по поводу роста от года количества «воцерковленных» – и может быть сравнима, разве что с числом верующих, соблюдающих церковные каноны не по форме, а по сути...

Таким образом, весьма сложно объединить процессы клерикализации общества и его экономической поляризации в единый концепт посредством причинно-

следственной связи. Но то, что эти процессы идут «рука об руку» – очевидно, сколь очевидны и многочисленны тому исторические примеры. Если социальная справедливость отсутствует в окружающей человека реальности, закономерно возникнет идея обретения оной в ином измерении – таковы механизмы психологической компенсаторики homo. Рост религиозности (или, по крайней мере, активности религиозных деятелей и организаций, ими возглавляемых) на фоне тотальной несправедливости наличествующих социальных отношений – это сюжет более чем избитый. Впрочем, небесспорно утверждение, что «религиозная терапия» – верная панацея от социального недуга экономической поляризации. Религия в принципе обладает мощным инструментарием, способным примирять с действительностью. Однако не следует забывать: на другом полюсе общественной жизни – «идея-контрагент», которую можно примерно сформулировать следующим образом: «...если жизни нет, то и умирать не страшно». Трагизм ситуации добавляет то обстоятельство, что зачастую носителями подобных настроений являются не только маргиналы, люмпенизированные слои и люди, ведущие асоциальный образ жизни. В отличие от общемировой практики, где в категорию людей с низким доходом «автоматически» попадают люди, которые не работают и «сидят на пособиях», в РФ к категории «бедных» отнесены люди работающие, но получающие небольшие зарплаты. То есть, люди, выполняющие важнейшие социальные функции и своим ежедневным трудом обеспечивающие функционирование институтов государства, – это «работающие бедняки». И какова будет судьба веры, религии и церкви в «стране нищих и миллиардеров» [7, с. 59] – остается лишь догадываться...

Литература

1. Соколов, А.Б. Социальная политика и социальное здоровье в трансформационных процессах современного российского общества / А.Б. Соколов // Общество и право. – 2010. – № 2(29). – С. 281–285.
2. Локосов, В.В. Социальное государство и партисипаторное общество: ложная дилемма / В.В. Локосов // Вестник финансового университета. – 2015. – № 1. – С. 16–22.
3. Гринберг, Р.С. Свобода и справедливость. Российские соблазны и логика выбора / Р.С. Гринберг. – М.: Магистр, ИНФРА-М, 2012. – 416 с.
4. Волошин, Д.А. Светское государство в парадигме клерикализации: тенденции последних лет / Д.А. Волошин // Религия и общество – 10 : сборник научных статей / под общ. ред. В.В. Старостенко, О.В. Дьяченко. – Могилев: МГУ имени А. А. Кулешова, 2016. – С. 22–24.
5. Drake, H.A. Lambs into Lions: Explaining Early Christian Intolerance / H.A. Drake // Past and Present. – 1996. – № 153. – P. 3–36.
6. Конституция РФ (КРФ) 2017 // Конституция РФ. Последняя действующая редакция с комментариями [электронный ресурс]. – URL: <http://constrf.ru> (дата обращения: 27.02.2017).
7. Данканич, С.А. Неравенство доходов населения: виды и последствия / С.А. Данканич // Проблемы современной экономики. – 2011. – № 3. – С. 59–63.